

В. БУБНИС:
БОЙ ЗА ВОЛЬНОЕ
СЛОВО

ПРОШЛО почти полвека после смерти М. Булгакова, однако его творчество, можно сказать, только сейчас начинает становиться достоянием широкого читателя и театрального зрителя. Трудно представить, как много потеряла в свое время многонациональная советская культура, вся наша литература, лишенная возможности в полном объеме познакомиться с творческим наследием М. Булгакова. Опубликована не так давно драма «Адам и Ева» столь глубоко затрагивает вопросы войны и мира, что кажется, будто она написана сегодня. Или взять, к примеру, опубликованную лишь в прошлом году повесть «Собачье сердце», которая до сих пор не утратила ценности социальных, нравственных идеалов, полна блестящей фантазии, сатиры, иронии, окрашена в лирические тона. Невозможно свести к мысли, что до сих пор эти произведения были нам неизвестны.

Потребовалось двадцать пять лет молчания после смерти писателя, чтобы появилась самая значительная его книга — роман «Мастер и Маргарита». Однако и после опубликования это произведение было обречено на странное, полугалельное существование — его не переводили на национальные языки, литературоведы и критики говорили о нем сквозь зубы, не удостоивая глубоким анализом. Я не знаю другого созданного в советское время романа, которому в такой степени была бы присуща безудержная фантазия, в котором так прозрачно были бы спланы гротескный, сатирический, лиро-эпический способы изображения, в котором наряду со спокойными и радостными тонами звучала бы и горькая, трагическая нота, а в сложную композиционную ткань романа так органично вплетались бы библейские мотивы. Думаю, что многие выдающиеся произведения советской литературы последних лет не могли бы без М. Булгакова с такой открытостью и принципиальностью поднимать актуальнейшие социальные и моральные проблемы нашего общества в стольные годы. Вращающийся в духе лучших традиций мировой и русской классической литературы, гениальный талант М. Булгакова оказывает огромное влияние на всю многонациональную советскую литературу. М. Булгаков мужественно вступил в бой за вольное художественное слово.

«Забывшие» произведения были и в литовской литературе. Сейчас вспоминается классик литовской литературы Ф. Сруога, книга воспоминаний которого о Булгакове кондагере «Лес богов» долго не издавалась. Вспоминается и роман «Усадьба Пруджонская» другого известного литовского советского писателя А. Вануолиса, которого неоднократно завлаживали перерабатывать рукопись...

И помимо еще с трудом преодолеваемой возмужавшей бюрократии и догматиками барьеры, творчество М. Булгакова медленно пробивает дорогу к читателю. Лишь в 1985 году был переведен на литовский язык его роман «Мастер и Маргарита». В Вильнюсском академическом театре драмы в настоящее время идет его пьеса «Мольер». Однако это только начало знакомства с творчеством великого писателя. Подобное положение, насколько мне известно, и в других республиках. Думаю, проза М. Булгакова должна шире зазвучать на национальных языках, его пьесы не должны сходить со сценических подмостков. Сегодня этого ждет читатель, на это надеется театральный зритель.

В. ЛАКШИН:
СЕНСАЦИЯ ДНЯ
ИЛИ ЧУДО ВЕКА?

ДВАДЦАТЬ с лишним лет назад, когда в издательстве «Художественная литература» готовился первый односторонний «Избранный прозы» Булгакова, этот писатель внушал такие опасения, что заместить главного редактора, споря со мной как с автором будто бы «аполлологического» предисловия, подготовил целое «досье». Оно состояло из сплошь негативных или пренебрежительных оценок, извлеченных из «словарей и энциклопедий 30—60-х годов, а также учебных пособий по истории советской литературы». Авторитет этих оценок казался редактору нерушимым. Я храню это «досье» как памятник времени.

В те годы публиковать Булгакова, как и писать о нем, было нелегко. Да, когда у «Нового мира» на борозбу за публикацию уже набранного «Театрального романа». Появившийся в «Москве» текст «Мастера и Маргариты» был варварски изрезан, и не только из соображений редакторской осторожности, а просто сокращен, подправлен — так можно было обойтись с несовершеннолетним творением начинающего. Большинство критиков восприняли Булгакова-прозаика с оговорками, а у некоторых оговорки и стала главной частью оценки: да, талантлив, но... Автору «Мастера и Маргариты» предлежало скорее забвение, рассматривая его успех как минутную сенсацию.

Двадцать лет все растущей славы Булгакова в нашей стране и во всем мире показали тупую слепоту литературных охранителей и скептиков. Писатель занял прочное место в мировой культуре XX века. Что стало причиной его посмертного триумфа? Трудно сказать об этом в одном слове. Может быть, праздничность и таинственность его священных слов? Или победительная ирония, не гнушавшаяся бытом, но возмущавшая над ним? Или фантазия? Или яркая, ум, неземная философия жизни, возникшая из драматического опыта человека XX века? Наверное, все это, но не только. Задевает, волнует воображение и читателя, и писателя сам Булгаков как личность, как творец — своей прижизненной непризнанностью и посмертным торжеством.

Разумеется, каждый создаст в воображении своего Булгакова: мне мил нашедший, никому не поклоняющийся, обладавший в творчестве божественной свободой, какой ему, наверное, не хватало в жизни, писатель и человек. Последние полтора года дали рекордное число публикаций и перепубликаций Булгакова из архивов и забытых изданий. Будто забыл некий литературный Клондайк, и публикаторы влопачь соревновались друг с другом. (В результате альманах «Современная драматургия» напечатал «Адама и Еву» спустя несколько месяцев

В минувшем году мы пережили своего рода «булгаковский бум»: были впервые опубликованы повесть «Собачье сердце», пьесы «Адам и Ева», «Багровый остров» и многие другие произведения, которых советский читатель прежде был лишен, писателю, черновые варианты, воспоминания современников. Затем общество наше оказалось увлечено воскрешением других замалчивавшихся писателей имен, других произведений... Но творчество Булгакова является вневременным, не подверженным ценке фактором нашей культуры, одной из ее важнейших составляющих. Ход времени только все более подтверждает это. Публикуя предложения по

БУЛГАКОВ-СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

В мае этого года в Ленинграде состоялось III Булгаковские чтения, организованные совместно Союзом писателей СССР, Союзом театральных деятелей СССР и Ленинградским государственным институтом театра, музыки и кинематографии имени Н. К. Черкасова. В них приняли участие известные советские специалисты по творчеству М. А. Булгакова из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов, а также зарубежные исследователи из шести стран — Англии, Венгрии, Индии, Италии, Канады и Югославии. По приглашению Иностранной комиссии СП СССР в Ленинград приехали и выступили с докладами Л. Милл (Берверли, Англия), Х. Двенди, Л. Халлер и Г. Зневеди (Будапешт, ВНР), К. Сакши (Дени, Индия), Э. Ваццарелли, Р. Джулиани и Д. Спендлер де Варда (Милан, Рим и Турин, Италия), К. Райт (Торонто, Канада), С. Лебединский (Валград, СФРЮ). На пленарных и секционных заседаниях было прочитано 43 доклада и сообщений по широкому кругу вопросов, преимущественно темой чтения: «Михаил Булгаков и его театр в современном мире». Зарубежные участники Булгаковских чтений с удовлетворением отметили огромный и свободный характер дискуссии, соответствующий принципу гласности и открытости, происходящей в СССР.

Участники III Булгаковских чтений обратились с просьбой к руководству Союза писателей и Союза театральных деятелей СССР войти в ЮНЕСКО с предложением объявить 1991 год годом М. А. Булгакова и широко отметить 100-летие со дня его рождения в СССР и во всем мире, посвятить мажорные номера «Искры ЮНЕСКО», журналов «Театр», «Москва», «Киев», «Искусство Ленинграда» в 1991 году жизни и творчеству Булгакова. Принято также обращение в ЦД СССР с предложением провести в 1991 году в Москве Международный театральный фестиваль булгаковских спектаклей. Предлагаются в порядке подготовки и 100-летию со дня рождения писателя провести в Ленинграде в мае 1990 года IV Международные Булгаковские чтения на тему «Михаил Булгаков и мировая художественная культура», а в дальнейшем проводить международные Булгаковские чтения раз в три года поочередно в Москве, Киеве, Ленинграде: образовать международный оргкомитет по проведению Булгаковских чтений. Участники чтений выдвинули предложение считать первоочередными при-

оритетными нацональными изданиями в СССР начатые Союзом писателей М. А. Булгакова в 5 томах («Художественная литература», М. 1987—1991) и «Театральное наследие» М. А. Булгакова в 4 книгах («Искусство», Л. 1989—1994). Обратиться к руководителю Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Института русской литературы (Пушкинского Дома) А. И. Демину с просьбой с настоятельной просьбой сдать все архивные материалы и, препятствующие подготовке этих изданий, и содействовать их выпуску в Усть-новгородском государственном издательстве в самые короткие сроки. Перевести в издательстве доступных библиотек из отдела специального хранения все 34 зарубежных издания Булгакова и послать копию ему критическую литературу на русском и иностранных языках — условия, необходимые для подготовки и выпуска в нашем веке полного аннала мичегоского собрания сочинений М. А. Булгакова, а также обеспечить издание в издательстве «Литературный мир» на родине писателя в Иваново и в Москве специальных литературно-

мемориальных музеев, посвященных М. А. Булгакову. По материалам III Булгаковских чтений предлагается подготовить и выпустить в юбилейном 1991 году два специальных сборника — «Михаил Булгаков и современная литература» (Издательство «Советский писатель») и «Театр Михаила Булгакова в современном мире» (Издательство СГД РСФСР). Высказано пожелание приступить к подготовке и издать после 1991 года фундаментальную международную библиографию «Михаил Булгаков, 1891—1991. Биография. Проза. Драматургия. Театр. Музыка. Кинематограф» (Издательство «Книга»). Участники чтений обратились в правление Фонда культуры СССР с предложением о создании в рамках фонда при участии творческих союзов Международного литературно-театрального общества М. А. Булгакова.

Г. НИНОВ,
председатель оргкомитета
III Булгаковских чтений,
доктор филологических наук;
Г. ПЕТРОВ,
секретарь правления
Ленинградского оргкомитета
СП РСФСР,
член оргкомитета
III Булгаковских чтений

после того, как эта пьеса появилась в «Октябре», а «Иванов» Гуськова Булгакова правительству 1930 года появились почти одновременно в двух столичных журналах. Впрочем, даже в таком избыточном внимании я не вижу ничего противостественного. В области искусства не хуже, чем в физике, действует закон сохранения энергии, энергии духовной. То, чем подлинный художник оказался обделен при жизни, непременно будет возмещено сторицей в той же мере, как избыток прижизненных лавров обеспечивает верное забвение после смерти. Произвольно обозначая современниками цен на неизбежно возвращающиеся к стоимости, точно отечающей содержанию. Минувший год ознаменовался и полемикой, в ходе которой со страниц газет раздался голоса добрых тонов, бурно вспыхивавших за посмертную репутацию Булгакова, обеспокоенных утратой отечественного приоритета, сражающихся за имя академического собрания сочинений. Действительно, давно пора это сделать, тем более что многотомный Булгаков уже вышел или выходит в Югославии, Италии, США... Но вместе с сочувствием к порыву новоявленных поклонников Булгакова меня, сказать по совести, смущает загодя даная их реакция: спустя лето по напущению... Как бы впрочем, был их авторитетный голос пятьдесят, в лучшем случае двадцать лет назад, когда всякая попытка сказать о Булгакове всерьез встречалась едва ли не как реабилитация отечественной области изучения Булгакова у нас много сделано, и прежде всего такими учеными и литераторами, как К. Рудницкий, М. Чудакова, А. Смеланский, Л. Яновская, А. Нинов, и людьми более молодого поколения: В. Гудковой, Б. Мягко-вым, А. Бурмистровым, Б. Соколовым и др. За рубежом также вышло немало примечательного о Булгакове — было бы несправедливо этого не замечать.

Фактического материала о Булгакове и «вокруг» него накопилось немало. Появились и первые опыты творческой биографии. Но глубокое и объемное осмысление его жизни и творчества все же еще впереди. Иной раз этим авторам начинают заниматься не из любви, а по моде. Той моде, что создает эстрадный шлагер («Мастер и Маргарита жили в Москве-е-е-ино!») и кооперативное кафе «Маргариты» на Патриарших прудах. Опера, балет, киносценарий, клоунада по мотивам и репликам Булгакова — неизбежные спутники возникшей популярности. Кажется, тысячи людей передают из рук в руки фотографии, с которой строго глядят на нас Булгаков, и оставляют на ней свои отпечатки пальцев.

В пору, когда, казалось бы, только радостно изучение и публикация всего наследия Булгакова, и в научной среде возникло нечто нездоровое: Булгаковеды разделились на враждующие фракции, ревниво косясь на всевозможных конкурентов в своей популярной теме — и до смешного, даже в подстрочных примечаниях, ссылаясь лишь на свои предыдущие работы... Я уже не говорю о странном поведении с архивом Булгакова в ГБА, который, конечно же, в любое время должен быть доступен всем специалистам. Между тем за двадцать лет хранения Булгаковских бумаг он то и дело закрывал свои двери, притом избирательно — то для одних, то для других булгаковедов. Как не понять, что, подобно любому классику, Булгаков не может быть чьей-то исключительной интеллектуальной собственностью? И каждый, кто серьезно работает над его наследием, искренне хочет

от того, какие пьесы ставятся здесь, в СССР, в каких театрах и с каким успехом. Только большой успех издательства театра заинтересует крупного режиссера в далекой туманной Англии.

История разрушения сценической авторитет Булгакова-драматурга. Во второй половине 20-х годов менее чем за 5 лет он написал пять пьес для самых выдающихся театров страны в самую замечательную ее театральную эпоху. Это единый творческий взмах, и его нужно охватить целиком. Между тем эти пять пьес либо не ставились, либо снимались. Их возвращение на сцену длилось более 50 лет. «Адам и Ева» не поставлена и сегодня.

Если представить себе на мгновение тот никогда не существовавший 1930 год, когда у МХАТ «Дни Турбиных» чередуются с «Бегом», «Зойкина квартира» идет у ватхангоцев, в Камерном театре играют «Багровый остров» и готоват «Мольер», то нарисуются контуры сценического авторитета Булгакова. Вот модель грандиозного проекта к 100-летию Булгакова.

Вокруг некоторых его пьес, «Дней Турбиных» например, сотворили театральные легенды. Пора сдать легенды в архив и извлечь на свет исходные тексты Булгакова-драматурга, в которых звучит его настоящий голос.

Театр Булгакова, по существу, строится сегодня впервые. И это не должно происходить по старым стереотипам.

Контур театра Булгакова должны быть нарисованы здесь. За вами пойдет зарубежный театр и зарубежный зритель начует наконец воспринимать Булгакова-драматурга так, как он уже давно воспринимает Булгакова-прозаика.

П. ПАЛИЕВСКИЙ:
ПРОСВЕТЛЯЮЩАЯ
ПОМОЩЬ

МНЕ КАЖЕТСЯ, в Булгакове важно сейчас направление, которое он дает мысли. На наших глазах вырастает новый классик, стратегический писатель, видящий и предвидящий пути, в которых наше нынешнее положение — эпизод, требующий общего понимания. Дело не просто в ярких подробностях, проясняющихся теперь, — например, заметив в «Роковых яйцах», что Александр Семенович Рокк, прежде чем записаться курами, был членом «высшей коммунально-хозяйственной комиссии» и «прославился своими изумительными работами по орешению Туркестанского края», современный читатель мгновенно увидит персеохищий Арал, — но во всем объеме духовных задач, без которых не сдвинется дальше жизнь, Булгаков подоспел вовремя — как носитель культуры, которую не удалось превратить, и интеллигентности, конечно же, отличной от интеллигентности. Для нашей литературы эти задачи во многом новые, предостаящие. Конечно, у нас есть Шолохов, сказавший об эпохе главное, у которого, между прочим, Григорий Мелехов говорит: «Слушай нас, ученые люди... Господа спутали! Стреножили жизнь и нашими руками вершат свои дела... Но кто именно эти господа стреножили (в том числе верою, и самим себя), как расплести невидимую сеть, можно ли их рубить, и т. д. и т. д. — это все вопросы, требующие отдельного внимания. То есть нужно охватить всю ответственную область в составе истории,

Булгаков оказался здесь несравним. Эти пути он предвидел безошибочно, без фидосифоствования, в поведении людей. Он предсказал, как поднимется племянник «яди Федора, пившего в Вологде, запоем», куда приведут его отращения с умнейшим другом, почему — и бесповоротно — он снимет «клетчатую кепку» с головы, хотя и не прекратятся усилия ее снова надвинуть. Слишком часто современные превращения идут в образах Булгакова, что позволяет надеяться на их просветляющую помощь впереди. Во всяком случае, они выглядят несравненно глубже своих толкований, до сих пор обнаруженных, даже биографических, относящихся к самому писателю, — например, стремления списать на Сталина трудности его судьбы. Быть может, этому и можно было бы поверить, если бы мы не читали страниц, где безстрашный Кирилл «тихим, но твердым голосом» разъясняет прокуратору, кого тому придется помиловать, а кого казнить.

Но пока идут разбирательства и споры, я думаю, главное — научно выверенное издание всего, написанного Булгаковым, то есть академическое полное собрание. Это и единственная дорога к согласованию. Такое собрание решено создать в ИРАИ (Пушкинский Дом), привлекая все, что уже сделано и может быть сделано для этой цели.

Г. ПАНДЖИКИДЗЕ:
СОВРЕМЕННОЕ
НАШИХ ОТЦОВ
И НАШИХ ВУКОВ

ИНТЕРЕСНО: столько появляется новых произведений, острей, злободневных, современных, столько печатается вещей из «запасников» (возникших, увы, не от хорошей жизни в нашей литературе и обществе), а Булгаков последние двадцать лет — постоянно среди самых читаемых, самых обсуждаемых, самых любимых. Об этом сужу не только по личным впечатлениям, но и как человек, причастный к изданиям его вещей на грузинском языке.

Поначулу все можно было бы объяснить новизной: двадцать лет назад (через год после появления первой памятной публикации) на грузинском издается перевод «Мастера и Маргариты». Затем — «Бег», «Белая гвардия», «Театральный роман». Совместный тираж только двух последних грузинского читателя очень и очень немало. Ставится «Мольер» в Театре имени Руставели, «Бег» — в батумском театре. Но тля к Булгакову еще отнюдь не насыщена: готовятся в ближайшие годы только в нашем издательстве «Сабчота Сакартвело» еще четыре его сборника. Творчество Булгакова явилось ответом на насущную потребность не только литературы и всей культуры нашей — оно отвлело на глубинную тугу человеческой души к высокой романтике. Романтике, необходимой сейчас, на пороге столетия, даже более, нежели после века назад. И дело не только в фантастическом как литературном приеме. Сам этот прием — отражение того, что происходит и с нашей жизнью, с нашим временем. Сам чужестранец почувствовал потребность в ис-

пользовании этого приема и прибег к нему в романе «Спираль», выходящем в нынешнем году в переводе на русский, и в повести «Реквием», с которой русские читатели уже знакомы. Поробовав в этом стиле, понял, что может быть, острый гротеск — наиболее реалистическая форма нашей эпохи. И Булгаков первым доказал это.

Проза Булгакова своей высокой духовностью блестяще противостояла на наш век телевидения, видеокассет, спортивных и музыкально-эстрадных зрелищ всем этим способом воздействия на душу и ум человека. Булгаков — современник наших отцов и наш современник. Он будет рядом с нашими детьми и внуками, потому что в светлый лик Маргариты всегда впереди, в будущем. Это великолепно продуманное и продуманное Мастер.

Б. РАУШЕНБАХ:
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ
ГЕРОИ
И ХОРОШИЕ ЛЮДИ

«ДНИ ТУРБИНЫХ» я увидел на сцене впервые еще в 30-е годы... В начале 30-х годов. Колоссальное впечатление! Это было настолько непривычным на фоне тогдашних пьес — там ведь белые выступают как поджигатели, герои, — что казалось чем-то просто невероятным... Да и сама по себе пьеса замечательная. В середине 30-х годов я узнал и о том, что Булгаков пишет «Мастера и Маргариту». Слухи об этой вещи уже ходили, но носили они несколько юмористический характер: знаешь, Булгаков пишет одну вещь, очень смешную, где черт ходит по Москве... Но тогда много, и для меня в том числе, Булгаков тогда был «Дни Турбиных» — и больше ничего. Потому что его ранние рассказы я просто не читал.

Сейчас в моем сознании три произведения Булгакова стоят выше других его произведений. Это «Белая гвардия», «Театральный роман» и «Мастер и Маргарита», причем «Мастер и Маргарита» безусловно на первом месте. Попозубо обдумать почему.

Человеческое сознание складывается из двух составляющих (соответственно левое и правое полушария человеческого мозга): рациональное (на нем держатся наука, промышленность, здравый смысл и так далее) и иррациональное. Сейчас мы склонны ценить рациональное и gerade вошло. Но это досадный — и тогда, конечно, архаичный — перекося. Ценнейшие человеческие качества мы недооценили бы, сводя человека к одному лишь рациональному началу. Такое понятие, как «миросердие», рационально объяснить нельзя, потому что рациональное милосердие — это уже не милосердие... Собственно, все нравственность иррациональна: когда вы поступаете вопреки своим интересам, это как раз и есть высокая нравственность.

Меня всегда, интуитивно, может быть, привлекала иррациональная часть человеческого сознания. Поэтому и в литературе мне нравились более всего те произведения, в которых это иррациональное начало наиболее сильно выражено. Задолго до знакомства с творчеством Булгакова я очень любил Гюгмана, читал и перечитывал его. «Фауст» я читал не меньше десяти раз — и в оригинале, и в переводе... Поэтому Булгаков не был для меня чем-то совершенно неожиданным.

Но, конечно, Булгаков не повторяет Гёте, он совершенно оригинален. Вот, к примеру, такая «частность». «Положительными героями» романа «Мастер и Маргарита» являются Воланд и его свита — то есть силы зла. Эта диалектика вроде бы знакома нам по «Фаусту» («счастлив ты, кто без числа творит добро, всею желая зла»). Однако здесь совершенно другое. Воланд и не желает зла — он целенаправленно разрушает носителей зла в окружающем мире, помогает Мастеру. Но у Мастер — почему он не заслужил света, а только миллион читателей. По очевидной ли причине: Мастер — человек атеистического сознания, не посещающий церковь, не совершивший никаких подвигов личного благолетия, испытывающий сомнения в достоверности Нового завета (Иешуа приходит в ужас от несоответствия записей Левия Матфея тому, о чем говорил ученикам)? Поэтому — не свет, а только покой? Но, с другой стороны, ни у католиков, ни у православных нет такого понятия — покой. Он придуман Булгаковым как некий своеобразный Рай для Мастера. Он столько натерпелся в жизни, что покой для него — наиболее желанное состояние. Именно такой, нецерковный Рай, куда помещает его, замечает, опять же Воланд.

И в то же время Мастер — это идеально хороший человек. Не то, что мы скучнейшим образом называем «положительным героем», а именно — очень хороший человек. Часто говорят: Булгаков был против революции. Но если бы он писал просто альтернативную революцию, к его произведениям очень быстро был бы потерян интерес или же он продергался бы максимум лет двадцать. Но на самом деле интерес к Булгакову растет. Потому что он гораздо шире тех политических категорий, в которых его когда-то пытались рассматривать. Он просто вне их — в тех лучших своих вещах, о которых я говорил. Или вещь «Собачье сердце» или «Иван Васильевич» для меня не на том, высшем булгаковском уровне: именно потому, что слишком привязаны к злобе дня. Нужны хорошие комментарии к роману «Мастер и Маргарита». Вот такой парадокс: хороший писатель пишет так, что действительно возникает необходимость в комментариях. Приведу такой пример. В «Фаусте» есть знаменитая сцена, где Воланд читает как бы таблицу умножения. На первый взгляд, читаемое — это бессмыслица. Полная бессмыслица. Но ведь для Воланды это бессмыслица, не для человека. Комментарии расползаются, как выживает, описывает так называемый магический квадрат. Но Гёте никуда и никому этого не сказал, не написал. Вот тут и нужны комментарии. У Булгакова тоже есть нечто подобное. Помните, в финале «Мастера и Маргариты» фраза о рыцаре, который однажды «неудачно пошутил». Сейчас это место расфигуровано. Но есть еще немало подобных мест. Некоторые из них раскрыты в книге И. Галинской «Загадки известных книг» (Издательство «Наука», М. 1986).